ный ресурс]. URL: http://modernpoetry.ru/main/svetlana-kekova-stihi-o-prostranstve-i-vremeni (дата обращения: 17.03.2016).

7. Стихотворения иеромонаха о. Василия (Рослякова) [Электронный ресурс]. URL: http://optina1993.narod.ru/stihi1.htm (дата обращения: 13.03.2016).

8. Цветаева М. И. Стихотворения. Поэмы. Проза / сост. Г. Н. Логунова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990.

* * *

1. Vavilon. Sovremennaja russkaja literatura. O. Sedakova. Stihi [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-05.html (data obrashhenija: 13.03.2016).

2. Lepahin V. V. Ikonichnaja agiografija [Jelektronnyj resurs]. URL: http://kursbest.ru/18/best.php?id=0106/ (data obrashhenija: 11.03.2016).

3. Nikolaeva O. A. 500 stihotvorenij i pojem / M.: ArtHaus media, 2009.

4. Sedakova O. Stihi [Jelektronnyj resurs]. URL: http://olgasedakova.com/ (data obrashhenija: 17.03.2016).

5. Sedakova O. A. Chetyre toma. T. 1. Stihi. M.: Rus. Fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2010.

6. Sovremennaja russkaja pojezija. Svetlana Kekova. Stihi o prostranstve i vremeni [Jelektronnyj resurs]. URL: http://modernpoetry.ru/main/svetlana-kekova-stihi-o-prostranstve-i-vremeni (data obrashhenija: 17.03.2016).

7. Stihotvorenija ieromonaha o. Vasilija (Rosljakova) [Jelektronnyj resurs]. URL: http://optina1993.narod.ru/stihi1.htm (data obrashhenija: 13.03.2016).

8. Cvetaeva M. I. Stihotvorenija. Pojemy. Proza / sost. G. N. Logunova. Vladivostok: Izd-vo Dal›nevost. un-ta, 1990.

Iconic motives in the modern poetry of the spiritual tradition (based on the lyrics by S. Kekova, O. Nikolaeva, O. Sedakova, Father Vasily (Roslyakov))

The article reveals the iconic motives in the modern poetry of the spiritual tradition, describes their functioning features.

Key words: *motive, modern poetry, spiritual tradition, Kekova, Nikolaeva, Sedakova, Hieromonk Vasily (Roslyakov), iconic motives.*

(Статья поступила в редакцию 10.05.2016)

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

КОНЦЕПТОСФЕРА НОВЕЛЛЫ «ПРИГОВОР» ФРАНЦА КАФКИ

На материале новеллы «Приговор» австрийского писателя XX в. Ф. Кафки выявлены и описаны ключевые концепты. К ним относятся жестокость, обвинение, сочувствие и заботливость. Данные концепты в новелле не обозначаются соответствующими одноименными лексемами, а выражаются иными языковыми средствами. Высокочастотная экспликация исследуемых концептов специфична в индивидуальном стиле автора. Определены символы, характеризующие персонажей новеллы, – стена, закрытое окно, одеяло, задняя комната.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, слово, пассаж, новелла, символ, сюжет, читатель, речевое воплощение.*

С середины 90-х годов XX в. в отечественной лингвистике значительные позиции занимает лингвоконцептология [2, с. 62–69; 4, с. 125–132; 7, с. 3–16; 19, с. 69–79], содержательно и методологически обогатившая в теоретическом и прикладном аспектах не только языкознание, но и сопряженные с ним другие отрасли науки – этнографию, этнологию, культурологию, лингвокультурологию, теорию коммуникации. Многие из лингвоконцептологических работ выполнены на сопоставительном материале разных языков. Научные труды, авторы которых проводили анализ конкретных концептов на разноязычном материале, как правило, вызывают большой интерес как у лингвистов, так и у их смежников. Сопоставительные исследования, выполненные в лингвоконцептологическом русле, выявили целый ряд этномаркированных концептов (немецкая пунктуальность, русская душа и др.), семиотически зафиксировавших особенности национального менталитета, специфику склада характера народа, его мышления, систему приоритетов той или иной этнической группы. Данный тип концептов, как показывает обзор научной литературы, уже основательно изучен.

Новой идеей, реализуемой в лингвоконцептологии в последнее десятилетие, можно считать теорию лингвокультурных типажей В.И. Карасика. Под данным феноменом, явля-

© Красавский Н.А., 2016

ющимся разновидностью концепта, понимаются «обобщенные узнаваемые образы представителей той или иной культуры» [8, с. 221]. Ученый классифицирует лингвокультурные типажи на этнокультурные (напр., *американский ковбой*) и социокультурные (напр., *компьютерный хакер*) [Там же]. Количество этнокультурных типажей ограничено. Многие из них уже изучены в лингвоконцептологии [1; 3; 15; 17]. Социокультурных типажей кратно больше, поэтому с большой степенью вероятности можно прогнозировать бум их исследования. Заметим: по мере развития деятельности человека и соответственно его коммуникативных практик будут появляться и новые социокультурные типажи [11, с. 584–587].

К числу не менее перспективных лингвоконцептологических направлений относится и изучение индивидуально-авторских концептов и – в целом – индивидуально-авторских концептосфер [5, с. 38–40; 6; 13, с. 104–106; 14]. Материалом для их исследования служат обычно художественные произведения наиболее известных писателей и поэтов. К их числу относится Франц Кафка, творчество которого многократно становилось предметом анализа в литературоведении, философии и психоанализе, что обусловлено глубиной мысли и масштабом личности австрийского писателя. Интерпретировать его произведения, сюжеты которых часто кажутся читателю парадоксальными, граничащими с абсурдом, достаточно сложно. Лингвоконцептолог, поставивший перед собой задачу выявления и описания индивидуально-авторских концептов Ф. Кафки, столкнется с рядом трудностей. Во-первых, вербализация кафкианских концептов (по крайней мере, в новелле «Приговор») осуществляется посредством выражения, а не обозначения. Это значит, что само имя концепта не называется соответствующим словом. Сам же концепт оказывается выраженным различными языковыми средствами, не имеющими прямого отношения к соответствующей предметной области. Уместно заметить, что в художественных произведениях, как показывает собственный опыт описания индивидуально-авторских концептов [9, с. 93–96; 10, с. 82–85], равно как и чужой опыт их изучения [5, с. 38–40; 13, с. 104–106], имеет место противоположная картина – концепты обозначаются не реже, чем выражаются. Во-вторых, выявление концептов (в особенности, ключевых) в произведениях Ф. Кафки осложнено фантасмагоричностью сюжетов, парадоксальностью размышлений автора, что приводит читателя к ощущению нечеткости, размытости полотна художественных текстов. Пользуясь метафорой, можно сказать, что кафкианское когнитивное пространство безбрежно. Его интерпретация сложна, поскольку само мироощущение австрийского писателя полно противоречий, с одной стороны, а с другой – трудно декодируем символизм языка Ф. Кафки. Символизм предполагает значительный субъективизм в понимании текстов.

С лингвоконцептологических позиций в концептосфере, представляющей собой совокупность концептов, можно выделить разностатусные концепты – ключевые (или центральные, ядерные) и маргинальные (второстепенные). Критериальной базой установления статуса ключевых концептов мы ранее предлагали считать индекс частотности употребления слов (синонимичного ряда во главе с доминантой), обозначающих тот или иной концепт, тематическую направленность и идею художественного произведения [12]. Применительно к концептосферам произведений ряда писателей (Р. Музиль, Ст. Цвейг, Г. Гессе) при определении их индивидуально-авторских ключевых концептов противоречий внутри критериальной базы обнаружено не было, что имеет, однако, место в концептосфере новеллы «Приговор» Ф. Кафки. Выше мы назвали сложности выделения концептов в данной новелле – концепты не обозначаются, а выражаются в ней. Следовательно, квантитативные показатели при выявлении базисных концептов, которые вербализованы посредством системы обозначений, в этом произведении не актуальны.

Тема упомянутой новеллы – конфликт между отцом и сыном Георгом Бендеманном, закончившийся вынесением смертного приговора второму из них. Отец обвиняет сына в черствости, эгоизме, предательстве друга и семьи. Само по себе название новеллы носит, на наш взгляд, очевидный оттенок институционального характера. Оно наводит читателя на мысль о наказании человека государственной властью. На самом же деле, в произведении повествуется о семейной драме, разыгравшейся по инициативе деспота-отца, приписавшего себе право судить собственного повзрослевшего сына, успешного делового человека, ведущего семейный бизнес. Идею новеллы, если быть кратким, можно сформулировать как жуткую дегуманизацию общества, в котором торжествуют жестокость и ненависть, четко выступающие маркерами описываемой эпохи (начало прошлого века). Дегуманизация соци-

ума касается и внутрисемейных отношений. Георг олицетворяет собой добро. Он заботливый сын, верный товарищ, воспитан, деликатен в общении. Полную противоположность ему являет собой его отец, с которым Георг ведет семейный бизнес. Судить об обоих читатель может только по описанию нескольких минут их общения – рокового для сына и триумфального для отца-победителя. Но об истории семейных отношений, тирании Бендеманна старшего можно все же догадываться, исходя даже из короткого сюжета.

Идеей новеллы определяются соответственно и ключевые концепты ее концептосферы – *жестокость* Бендеманна старшего, его *обвинение* сына и *сочувствие* Георга своему товарищу, переехавшему в далекую Россию и неудачно ведущему там коммерцию, *заботливость* сына.

Концепт, как известно, обозначается и эксплицируется самыми различными языковыми средствами. Для того чтобы выявить его сущность, целесообразно обращение к лексико-семантическим полям как системно-структурному образованию, фиксирующему тематически и – в целом – семантически родственные явления. В немецком языке лексико-семантическое поле жестокости достаточно разветвлено. Так, в частности, такой его важнейший сегмент, как лексико-семантическая группа «grausam» («жестокий»), составляют, согласно словарям [16; 18; 21], следующие лексемы: *grausam*, *barbarisch, bestialisch, brutal, entmenscht, erbarmungslos, gefühllos, gewalttätig, gnadenlos, grimmig, herzlos, inhuman, rigoros, rücksichtslos, roh, schonungslos, tierisch, unbarmherzig, viehisch, wild*. Ни одной из этих лексем, равно как и их производных, в тексте новеллы не выявлено, что говорит, следовательно, об отсутствии лексических средств обозначения концепта «жестокость». Однако установлен целый ряд текстовых пассажей, в которых данный концепт выражен.

Концепт «обвинение» наряду с вышерассмотренным концептом занимает тоже значительное место в концептосфере новеллы «Приговор». Примечательно, что употребления лексем, его номинирующих, согласно словарям [16; 18], в немецком языке (*anklagen, die Anklage, die Klage, anlasten, beschuldigen, anschuldigen, bezichtigen, unterstellen, unterschieben, das Gerichtsverfahren, das Rechtsverfahren*) в анализируемом произведении не выявлено. Следует заметить, что концепты «обвинение» и «жестокость» в новелле Ф. Кафки, как правило, находят свое речевое воплощение в одних и тех же контекстах. Приведем примеры.

Георг, вошедший в комнату к отцу, сообщает ему о своем письме другу в Россию. В письме он делится с другом радостью – Георг помолвлен и скоро женится на девушке из состоятельной семьи. Бендеманн старший упрекает сына в неумении дорожить дружбой, угрожает расправиться с невестой сына: «*Bleib, wo du bist, ich brauche dich nicht! Du denkst, du hast noch die Kraft, hierher zu kommen, und hältst dich bloß zurück, weil du so willst. Dass du dich nicht irrst! Ich bin noch immer der viel Stärkere. Allein hatte ich vielleicht zurückweichen müssen, aber so hat mir die Mutter ihre Kraft abgegeben, mit deinem Freund habe ich mich herrlich verbunden, deine Kundschaft habe ich hier in der Tasche! <…> Häng dich nur in deine Braut ein und komm mir entgegen! Ich fege sie dir von der Seite weg, du weißt nicht, wie!*» [20]. – «*Оставайся стоять, где стоишь. Ты мне не нужен. Ты считаешь, что у тебя есть силы ко мне подойти, и ты не подходишь, так как этого сам не желаешь? Ошибаешься! Я по-прежнему намного сильнее тебя. Если бы я был один, то, вероятно, я бы уступил тебе, но мать отдала мне свои силы. А с твоим другом я в прекрасных отношениях. Твои клиенты у меня тут, в кармане! Бери свою невесту под ручку и не попадайся мне на глаза! Я ее быстро отошью от тебя. Так отошью, что мало не покажется!*» (здесь и далее перевод мой. – *Н.К.*). Упреки и угрозы отца стали, судя по сюжету, полной неожиданностью для растерявшегося сына. Несправедливо и жестоко звучат следующие слова отца в адрес Георга и его невесты: «*Weil sie die Röcke gehoben hat», fing der Vater zu flöten an, «weil sie die Röcke so gehoben hat, die widerliche Gans <…>, hast du dich an sie herangemacht, und damit du an ihr ohne Störung dich befriedigen kannst, hast du unserer Mutter Andenken geschändet, den Freund verraten und deinen Vater ins Bett gesteckt, damit er sich nicht rühren kann». <…> Er strahlte vor Einsicht*» [Там же]. – «*Потому что она задрала свою юбку, – пропел отец– задрала так и так юбку, эта отвратительная баба <…>, ты к ней и приклеился, и чтобы ничто не мешало тебе удовлетворить твою похоть, ты очернил память матери, предал товарища, загнал отца в постель, ну и пусть там валяется!» <…> Он сиял от осознания своей проницательности*. Реакция Георга на гнев деспотического отца – страх: *Georg stand in einem Winkel, möglichst weit vom Vater. Vor einer langen Weile hatte er sich fest entschlossen, alles vollkommen genau zu beob-*

achten, damit er nicht irgendwie auf Umwegen, von hinten her, von oben herab überrascht werden könne [20]. – *Георг оставался стоять в углу, как можно дальше от отца. Еще раньше он твердо решил внимательно следить за всем происходящим из чувства боязни, что отец может внезапно напасть на него обходным путем, например, сзади или сверху*.

Отец обвиняет сына в черствости и тщеславии. Отец упрекает Георга в присвоении отцовских заслуг по развитию семейной фирмы: «*... was blieb mir übrig, in meinem Hinterzimmer, verfolgt vom ungetreuen Personal, alt bis in die Knochen? Und mein Sohn ging im Jubel durch die Welt, schloss Geschäfte ab, die ich vorbereitet hatte, überpurzelte sich vor Vergnügen und ging vor seinem Vater mit dem verschlossenen Gesicht eines Ehrenmannes davon!*» [20]. – «*Что же мне оставалось делать тут, в этой задней комнате, мне ветхому старику, преследуемому неверными служащими? А мой сын ликовал, жил счастливо в свое удовольствие, заключал сделки, которые я подготовил, проходил мимо отца отворачивая в сторону голову, проходил рядом как будто бы был приличным человеком*». Прокомментируем приведенные выше отрывки из новеллы. Гнев отца, его жестокое вербальное обращение с сыном могут быть вызваны следующими причинами. Во-первых, Бендеманн-младший успешно взял бразды правления семейной фирмы, которая стала процветать, что не могло не вызывать чувства зависти у Бендеманна-старшего. Во-вторых, Бендеманн-младший собирается жениться на девушке из состоятельной семьи, что сулит дополнительные финансы для ведения бизнеса. Можно предположить, что Бендеманну-старшему в свое время с выбором состоятельной невесты повезло меньше. В-третьих, у сына в отличие от отца есть друг. Успехи сына в личной жизни и в бизнесе вызывают зависть и ревность у его отца. В-четвертых, как следует из сюжета, предшествующего конфликту, проявляющий искреннюю заботу о своем стареющем отце Бендеманн-младший дополнительно вызывает раздражение у Бендеманна-старшего. Уместно упомянуть характеристики коммуникативного поведения сына в общении с отцом: *verlegen* (боязливо, смущенно), *im Winkel stehen* (стоять в углу), *in seine Zunge beißen* (прикусить язык), *die Augen erstarrt* (застывшие глаза), *vor Schmerz einknicken* (от боли согнуться), *sich gejagt fühlen* (чувствовать себя выгнанным), *mit schwächer werdenden Händen* (слабеющими руками). Данные языковые примеры передают эмоциональное состояние Бендеманна-младшего, состояние малодушия и глубокой душевной боли. Иной коммуникативный портрет у Бендеманна-старшего: *übergroße Pupillen in den Winkeln der Augen* (огромные зрачки в уголках глаз), *rufen* (кричать), *mit einer Kraft die Decke zurückwerfen* (швырнуть с силой одеяло назад), *bewegter Zeigefinger* (указательный палец), *noch immer der viel Stärkere* (все еще намного сильнее), *dummer Junge* (глупыш), *aufpassen* (следить, контролировать), *ein teuflischer Mensch* (человек-дьявол), *zum Tode des Ertrinkens verurteilen* (приговорить к казни водой). Приведенные примеры характеризуют агрессивное поведение Бендеманна-старшего, описывают его физическую мощь, в целом доминирование над слабым и покорным, не смеющим возражать сыном. Показателен, на наш взгляд, следующий пассаж новеллы. Сидевший в постели отец просит подойти к нему сына. Сын тут же выполняет просьбу (или – точнее сказать – приказ) отца: *Georg kniete sofort neben dem Vater nieder* [20]. – *Георг тут же опустился перед отцом на колени*. Коленопреклонение в данном контексте есть признак слабости, покорности Бендеманна-младшего.

Кульминацию новеллы читатель обнаруживает в ее конце, когда отец приговаривает сына к казни водой. Сын должен утопиться. Покорно он принимает решение отца и топится в расположенной рядом реке со словами «Дорогие родители, я ведь вас всегда любил!».

Помимо концептов жестокости и обвинения в новелле реализуются еще два концепта – «сочувствие» и «заботливость». Их прямые обозначения в новелле не выявлены. Данные концепты находят свое речевое воплощение на уровне выражения.

Речевое воплощение концепта «сочувствие» мы видим в самом начале новеллы, когда Георг пишет письмо другу в Россию. Содержание письма Георг тщательно обдумывает, проявляя высшую степень деликатности, что обусловлено неудачами в коммерции его товарища, его изолированностью в российском обществе. С учетом этого обстоятельства Георга мучит вопрос, стоит ли ему сообщать другу о своей предстоящей свадьбе, о своих коммерческих успехах? Приведем рассуждения Георга: *Was wollte man einem solchen Manne schreiben, der sich offenbar verrannt hatte, den man bedauern, dem man aber nicht helfen konnte. Sollte man ihm vielleicht raten, wieder nach Hause zu kommen? <…> Das bedeutete aber nichts anderes, als daß man ihm gleichzeitig, je schonender, desto kränkender, sagte, daß seine bisherigen*

Versuche mißlungen seien, daß er endlich von ihnen ablassen solle, daß er zurückkehren und sich als ein für immer Zurückgekehrter von allen mit großen Augen anstaunen lassen müsse…? [20]. – *Но что же можно было написать человеку, оказавшемуся в жизненном тупике? Такому человеку можно посочувствовать, но помочь нельзя. Может быть, ему посоветовать вернуться домой? <…> Но такой совет будет значить (причем чем в более мягкой форме он будет дан, тем более болезненно им воспринят), что его попытки быть успешным оказались тщетны, что ему нужно отказаться от своих затей и вернуться домой, где его будут считать неудачником, показывать на него пальцем…?* Употребление в письме лексем *bedauern* (сочувствовать), *raten* (советовать), *helfen* (помочь), *schonen* (щадить), *kränkender* (болезненнее) реализует концепт «сочувствие». Георг, как следует из новеллы, долго терзался содержанием письма. Под давлением невесты Фриды он все же решился сообщить товарищу о своей предстоящей свадьбе. О факте письма он проинформировал (или просил разрешения на его отправление?) отца, тем самым дав повод для скандала, окончившегося трагедией. Приведенные эпизоды из произведения свидетельствуют, во-первых, о деликатности, доброте Георга, его желании ладить с окружающими, во-вторых, о его несамостоятельности, добровольно-подчиненном статусе. Слабость характера Георга контрастирует с его успехами в фирме, руководство которой вряд ли под силу слишком мягкому, постоянно рефлексирующему человеку.

Речевое воплощение концепта «заботливость» мы наблюдаем в самом начале общения сына с отцом. Бендеманн-младший, вошедший в комнату к отцу, замечает его неопрятный вид, неухоженность, темноту в комнате в дневное время суток, неприбранную постель. Сын упрекает себя в отсутствии с его стороны должного внимания к стареющему отцу и предлагает ему поменяться комнатами: «*Du sitzt bei geschlossenem Fenster, und die Luft würde dir so gut tun. Nein, mein Vater! Ich werde den Arzt holen, und seinen Vorschriften werden wir folgen. Die Zimmer werden wir wechseln*» [Там же]. – «*Ты сидишь при закрытом окне. А свежий воздух был бы тебе очень полезен. Нет, отец, так нельзя! Я позову врача, и мы будем выполнять все его предписания. Мы поменяемся комнатами*». Проявление заботы сына раздражает отца. Можно предположить, что сама по себе идея сына вызвать врача (врач – это сигнал о беспомощности, слабости человека) уязвила самолюбие деспотического отца. Видимо, Бендеманну-старшему, привыкшему годами управлять семьей, кажется, что есть угроза его доминированию в отношениях с сыном. Сын переносит на руках в постель отца. Толчком к эмоциональному взрыву отца послужил ответ сына на вопрос, хорошо ли он укрыт одеялом: «*Bin ich jetzt gut zugedeckt?» fragte der Vater, als könne er nicht nachschauen, ob die Füße genug bedeckt seien. «Es gefällt dir also schön im Bett», sagte Georg und legte das Deckzeug besser um ihn. «Bin ich gut zugedeckt?» fragte der Vater noch einmal und schien auf die Antwort besonders aufzupassen. «Sei nur ruhig, du bist gut zugedeckt.» «Nein!» rief der Vater…<…>. «Du wolltest mich zudecken, das weiß ich, mein Früchtchen, aber zugedeckt bin ich noch nicht*» [Там же]. – «*Я хорошо укрыт одеялом?» – спросил отец, как будто бы он сам не мог видеть, укрыты ли у него ноги. «Значит, тебе нравится в постели?» – сказал Георг и поправил одеяло. «Я хорошо укрыт одеялом?», – опять спросил отец, нетерпеливо ожидая ответа. «Будь спокоен, я тебя хорошо укрыл». – «Нет!» – закричал отец <…>. «Ты хотел меня навеки укрыть. Я это знаю, ну и сынок же у меня!*»

Выше мы уже отмечали затрудняющую интерпретацию текста сложность индивидуальной символической системы Ф. Кафки. Некоторые символы, правда, считываются легко. Так, в последнем примере вполне очевидна ассоциативная связь одеяла и крышки гроба, если опираться на контекст. Сложнее обстоит дело с интерпретацией ряда текстовых фрагментов, в которых, как кажется, есть оригинальная авторская символика. Символические значения приписываются конкретным предметам, артефактам.

Войдя утром в спальную комнату отца, Георг обратил внимание на отсутствие в ней света. Причина – стена в узком дворике: *Georg staunte darüber, wie dunkel das Zimmer des Vaters selbst an diesem sonnigen Vormittag war. Einen solchen Schatten warf also die hohe Mauer, die sich jenseits des schmalen Hofes erhob. Der Vater saß beim Fenster in einer Ecke…* [Там же]. – *Георг был удивлен, что даже таким солнечным утром в комнате отца было темно. В комнату бросала большую тень высокая стена, возвышающаяся в узком дворике. Отец сидел у окна в углу*. Артефакт «стена» может быть проинтерпретирован как некая преграда, мешающая прямому (значит, искреннему) общению людей, как граница, маркирующая свою и чужую территорию. Огромная тень, ко-

торая исходит от стены, заслонявшей солнце, может быть принята за символ зла (ср.: темные силы). Заметим: комната Георга в противоположность отцовской комнате светла. Со стороны дома, где расположена комната сына, нет стены и нет тени, что не случайно: у Георга светлая душа. В другом пассаже новеллы читатель видит Бендеманна-старшего сидящим у закрытого окна. Закрытое окно символизирует неприятие света, солнца, светлого внешнего мира. Примечательно упоминание Ф. Кафкой в новелле *задней* комнаты (das *Hinter*zimmer), в которой живет Бендеманн-старший. Задняя комната в отличие от передней – это локус нарушения моральных устоев, нарушения табу. В разговоре с сыном отец поднимает кверху указательный палец (bewegter Zeigefinger). Данному жесту в европейской культуре приписывается определенное символическое значение. Он символизирует честолюбие и стремление властвовать.

В заключение укажем на полиинтерпретируемость кафкианских произведений, что обусловлено как самим мировосприятием глубокого мыслителя, так и необычным стилем великого писателя. Интерпретировать, в частности, новеллу «Приговор» можно с разных позиций: с позиции социальной проблематики (устройство и функционирование современного общества с его дегуманизацией), с позиции психоанализа (борьба за доминирование стареющего родителя и взрослеющего сына), с мифолого-религиозной (выявление символов и их толкование).

Список литературы

1. Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2011.

2. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура: материалы междунар. конф. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 1999. С. 62–69.

3. Валяйбоб А.В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2011.

4. Воркачев С.Г. Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Язык и эмоции: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1995. С. 125–132.

5. Выстропова О.С. Антитеза как средство актуализации концепта «любовь» в творчестве Р. Бёрнса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. № 5 (23), ч. 1. С. 38–40.

6. Кадырова Н.С. Концептосфера романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2013.

7. Карасик В.И. Культурные концепты: проблема ценностей // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1996. С. 62–69.

8. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010.

9. Красавский Н.А. Ассоциативно-образные признаки концепта «гнев» в повести Стефана Цвейга «Жгучая тайна» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. № 9(27), ч. 2. С. 93–96.

10. Красавский Н.А. Концепт «отчаяние» в повести Стефана Цвейга «Письмо незнакомки» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 5 (35), ч. 1. С. 82–85.

11. Красавский Н.А. Перспективы развития лингвоконцептологии // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований». Ростов н/Д., 27 февр. 2014 г. С. 584–587. URL.: http://hses-online.ru.

12. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе: учеб. пособие. Волгоград: Парадигма, 2015.

13. Макарова О.С. Метафорическая реализация индивидуального базисного концепта «Wahrheit» в философии Ф. Ницше // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22), ч. 1. С. 104–106.

14. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.

15. Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

16. Немецко-русский словарь синонимов: тезаурус. М.: Иностр. яз., 2002.

17. Попова С.В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2012.

18. Рахманов И.В. и др. Немецко-русский синонимический словарь. М.: Рус. яз., 1983.

19. Стернин И.А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура: материалы междунар. конф. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 1999. С. 69–79.

20. Kafka F. Das Urteil und andere Erzählungen. Frankfurt a/M. S. Fischer Verlag, 2003.

21. URL: http//www.wortschatz uni-lepzig.de (дата обращения: 08.05.2016).

* * *

1. Asadullaeva A.V. Istoricheskij kriminal›nyj lingvokul›turnyj tipazh «anglijskij pirat»: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2011.

2. Boldyrev N.N. Konceptual›nye struktury i jazykovye znachenija // Filologija i kul›tura: materialy mezhdunar. konf. Tambov: Izd-vo Tambov. un-ta, 1999. S. 62–69.

3. Valjajbob A.V. Lingvokul›turnyj tipazh «amerikanskij pervoprohodec»: simvolicheskie harakteristiki: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2011.

4. Vorkachev S.G. Semantizacija koncepta ljubvi v russkoj i ispanskoj leksikografii (sopostavitel›nyj analiz) // Jazyk i jemocii: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 1995. S. 125–132.

5. Vystropova O.S. Antiteza kak sredstvo aktualizacii koncepta «ljubov›» v tvorchestve R. Bjornsa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2013. № 5 (23), ch. 1. S. 38–40.

6. Kadyrova N.S. Konceptosfera romana M.A. Bulgakova «Belaja gvardija»: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Ufa, 2013.

7. Karasik V.I. Kul›turnye koncepty: problema cennostej // Jazykovaja lichnost›: kul›turnye koncepty: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 1996. S. 62–69.

8. Karasik V.I. Jazykovaja kristallizacija smysla. Volgograd: Paradigma, 2010.

9. Krasavskij N.A. Associativno-obraznye priznaki koncepta «gnev» v povesti Stefana Cvejga «Zhguchaja tajna» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2013. № 9(27), ch. 2. S. 93–96.

10. Krasavskij N.A. Koncept «otchajanie» v povesti Stefana Cvejga «Pis›mo neznakomki» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2014. № 5 (35), ch. 1. S. 82–85.

11. Krasavskij N.A. Perspektivy razvitija lingvokonceptologii // Gumanitarnye i social›nye nauki. 2014. №2: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Novye tendencii v obrazovanii i nauke: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij». Rostov n/D., 27 fevr. 2014 g. S. 584–587. URL.: http://hses-online.ru.

12. Krasavskij N.A. Individual›no-avtorskie koncepty Germana Gesse: ucheb. posobie. Volgograd: Paradigma, 2015.

13. Makarova O.S. Metaforicheskaja realizacija individual›nogo bazisnogo koncepta «Wahrheit» v filosofii F. Nicshe // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 4 (22), ch. 1. S. 104–106.

14. Maslova V.A. Pojet i kul›tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2004.

15. Murzinova I.A. Lingvokul›turnyj tipazh «britanskaja koroleva»: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2009.

16. Nemecko-russkij slovar› sinonimov: tezaurus. M.: Inostr. jaz., 2002.

17. Popova S.V. Lingvokul›turnyj tipazh «shkol›naja uchitel›nica»: sub#ektnoe pozicionirovanie: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2012.

18. Rahmanov I.V. i dr. Nemecko-russkij sinonimicheskij slovar›. M.: Rus. jaz., 1983.

19. Sternin I.A. Koncepty i neverbal›nost› myshlenija // Filologija i kul›tura: materialy mezhdunar. konf. Tambov: Izd-vo Tambov. un-ta, 1999. S. 69–79.

Concept sphere of the novel "The Judgement" by Franz Kafka

Based on the novel "The Judgement" by an Austrian writer of the XX century Franz Kafka, the article reveals and describes with the key concepts. They are cruelty, accusation, sympathy and care. These concepts in the novel are not denoted by the corresponding lexemes but expressed by other linguistic devices. Frequent explication of the concepts is specific in the author's individual style. The symbols characterizing the novel's characters are determined; they are a wall, a closed window, a blanket, a backroom.

Key words: *concept, concept sphere, word, passage, novel, symbol, plot, reader, verbal implementation.*

(Статья поступила в редакцию 06.06.2016)